

БАРИН- ИНЖЕНЕР

— ПЕРВЫЙ ЗАПУСК —

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Барин-инженер. Первый запуск

«Автор»

2026

Игнатов И.

Барин-инженер. Первый запуск / И. Игнатов — «Автор», 2026

В шестьдесят два я погиб на заводе. Очнулся в теле девятнадцатилетнего дворянина — и выяснил, что теперь завод мой. Правда, банк собирается забрать его через месяц. В кассе триста рублей. Рабочим давно не платили. Станки держатся на честном слове, а молодой барин здесь пока заслужил только недоверие. Что ж, начнём со станка. Я знаю, почему он встал. Потом возьмёмся за насос: соседняя шахта теряет деньги на простоях и ремонтах. Если предложить ей машину, которую можно быстро починить на месте, у нашего завода появится первый настоящий шанс. Мне снова девятнадцать. Руки не дрожат, спина не болит. Впервые за долгие годы хочется браться за работу самому. Но первый контракт принесёт больше, чем деньги. Крупный промышленный дом заметит маленький завод, который учит покупателей обходиться без его дорогого сервиса. Они привыкли покупать разорённых дворян вместе с предприятиями. А я только начал работать на себя.

Содержание

Глава 1. Молодое тело, старые долги	6
Глава 2. Станок, который списали	11
Глава 3. Первые девятьсот	17
Глава 4. Продавать простой	22
Глава 5. Внизу вода	27
Глава 6. Подпись тоже инструмент	32
Глава 7. Слишком хороший запуск	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Илья Игнатов

Барин-инженер. Первый запуск

Барин-инженер

Том 1

Первый запуск

Илья Игнатов

Глава 1. Молодое тело, старые долги

Умирать в шестьдесят два года я не собирался. Главному инженеру вообще неудобно умирать: у меня на понедельник была назначена приёмка нового участка. Люди, которые обещали приехать к восьми, никогда не появлялись раньше десяти, и оставлять им два часа без присмотра не хотелось.

Первый удар я услышал в цехе. Он не был громким. Короткий металлический щелчок, будто на бетон уронили тяжёлый ключ. Потом у испытательного стенда дёрнулся напорный трубопровод.

— Все от стенда! — крикнул я.

Слесарь Андрей обернулся. Совсем молодой, с пятном масла на щеке. Он держал руку на вентиле и ждал следующего распоряжения. Я показал на проход. Именно показал: перекрывать сейчас было поздно. Труба ударила второй раз. Я помнил, кто поставил подпись под разрешением на испытание. Помнил замечание о креплении, закрытое в журнале словами «устранено по месту». И собственную раздражённую фразу: «Хорошо, утром посмотрю».

Утро уже наступило.

Андрей побежал. Двое у стены отскочили за колонну. Я потянулся к аварийной остановке, не глядя на неё: за двадцать лет руку научил расстоянию.

Рука не дошла.

Что-то светлое прорезало воздух. Я ещё успел подумать, что из этого положения трубопровод не мог сорваться таким образом, значит, разрушилось и следующее крепление.

Потом мне стало нечем думать.

* * *

Я открыл глаза от запаха мокрой ткани. У потолка темнело пятно. На пятно ложилась тень от оконной рамы. Стена была оклеена цветочными обоями, потемневшими у печи. В больнице я рассчитывал увидеть другой ремонт. Попробовал пошевелиться. Ничего не заболит, решил я, если не делать резких движений. Проверенная мысль человека шестидесяти двух лет: после любого происшествия сначала нужно узнать, что теперь считать резким.

Не заболело.

Правая нога согнулась легко. Левая тоже. Под привычным местом, где начиналась коленная боль, не было ничего. Я приподнял голову и увидел ступни. Узкие. Без вздутых вен и следа от давнего перелома на большом пальце. Поверх одеяла лежали чужие руки. Я смотрел на них несколько секунд, прежде чем сообразил, что могу ими пошевелить.

Я повернул ладонь. Кожа чистая, ногти короткие, костяшки без моих старых шрамов. На указательном пальце не хватало небольшой белой полосы — память о том, как я в сорок лет решил придержать лист металла без перчатки.

— Не может быть, — сказал я.

Голос тоже был чужой. Я сел. Комната накренилась, точно её подвесили за один угол. Я уцепился за кровать, переждал тёмные круги перед глазами и услышал за дверью быстрые шаги. Вошла женщина. Не молодая, но моложе меня. Волосы стянуты на затылке, у виска выбилась серебристая прядь. Она остановилась так резко, что вода в чашке плеснула на блюдо.

— Ваня?

Я узнал её лицо. Не вспомнил, где видел. Не понял, как зовут. Просто что-то глубоко внутри отозвалось на усталый взгляд и на чуть приподнятую левую бровь. Так узнают собственную кухню спросонья: ещё не сообразил, в каком доме живёшь, а знаешь, где находится выключатель.

— Ты меня слышишь?

— Слышу.

Женщина поставила чашку, подошла и взяла меня за плечи.

— Слава богу. Я думала...

Она не договорила. Её пальцы дрожали. Я хотел сказать, что со мной всё хорошо, но не знал, имею ли право произносить такие слова чужому человеку, который смотрит на меня как на единственное, что у него осталось.

— Что произошло?

— Ты упал. На заводе. В смотровую яму.

В испытательном цехе ямы не было.

— Когда?

— Позавчера ночью. Григорий нашёл тебя утром. Врач сказал, если очнёшься...

Она снова не договорила. На прикроватном столике стояли пузырёк, свёрнутая тряпка и маленькие часы. Стрелки показывали без четверти девять. Часы были настоящие, механические; никакого пластика. На стуле висели рубашка и жилет.

— Я хочу посмотреть на себя.

— Потом.

— Сейчас.

Я сказал это без нажима. Но, видно, голос прозвучал иначе, чем она ожидала. Женщина задержала взгляд на моём лице, затем принесла овальное зеркало.

Мне было девятнадцать.

Чёрт его знает, почему именно девятнадцать, но эту цифру я почувствовал сразу. Лицо худое, нос прямой, волосы тёмные. Под левой скулой желтел синяк. Над ухом виднелся край повязки. Я провёл рукой по щеке. В зеркале молодой человек сделал то же самое. Можно было закричать. Можно было решить, что я умер и мозг выдаёт последнюю, очень странную картинку. Можно было потребовать телефон.

Я посмотрел на женщину.

— Как вас зовут?

Она побледнела. Вот так. Первый разговор — и уже испортил.

— Мария. Ваня, я твоя мать.

Я кивнул медленно. Шестьдесят два года опыта не учат отвечать человеку, чьего сына ты, возможно, только что заменил. Особенно когда этого человека вдруг хочется обнять.

— Я помню лицо, — сказал я. — А остальное... путается.

Это было правдой. Настолько близкой к полной, насколько я сейчас мог себе позволить. Мария села рядом.

— Врач предупреждал. Не нужно стараться всё вспомнить сразу.

Я отвёл глаза к окну. За стеклом, между голыми ветками, виднелась труба. Кирпичная, высокая, с выбоиной под самым верхом. Дыма над ней не было.

— Это наш завод?

— Наш.

— И я... Иван?

— Иван Алексеевич Игнатов.

Я положил зеркало на одеяло. Имя мне оставили. Отчество поменяли. Щедрые условия, если не учитывать, что согласия никто не спросил.

— Сколько мне лет?

Теперь она заплакала. Не всхлипывала, не закрывала лицо руками. Просто у неё пошли слёзы, а она продолжала сидеть прямо, удерживая чашку, которую успела снова взять со столика.

— Девятнадцать. В феврале исполнилось.

Я взял чашку из её рук.

— Давайте не будем пугать друг друга раньше времени. Я очнулся. Это уже кое-что.

— Ты прежде так не говорил.

— Как?

— Спокойно.

Возражать было нечем.

* * *

К полудню я знал несколько полезных вещей. На дворе было первое апреля тысяча девятьсот восьмого года. Город назывался Беловском. Государь существовал, электричество тоже, телефона в доме не было. Отец молодого Ивана умер осенью. Наследство оформили ещё зимой, и, согласно местным правилам, с восемнадцати лет я мог подписывать договоры без опекуна.

Про собственную смерть я не узнал ничего нового. Мария говорила о прошлом осторожно, словно проверяла каждое слово на остроту. Я узнавал отдельные комнаты, запах печи, скрип третьей ступени. Но ни одного связного воспоминания о человеке, который жил здесь до меня, не получил. Из окна я заметил женщину, раскалывавшую тонкие поленья у сарая.

— Прислуга? — спросил я.

— Пелагея. Остаётся помогать до Пасхи. Потом уедет к сестре.

— Других нет?

— Ты сам велел рассчитать кухарку.

— Ясно.

Ничего не было ясно. Но дом выглядел так, будто из него давно вынимали по одной необходимой вещи и каждый раз обещали скоро вернуть. На месте картины осталось светлое пятно. Коврик у кровати был протёрт посередине. Огонь в печи поддерживали ровно настолько, чтобы комната не выстыла окончательно.

На обед принесли кашу, хлеб и одно яйцо. Я съел всё. Поймал себя на том, что не ищу таблетки, которые прежде принимал после еды. Желудок не возражал. Сердце не бухало от попытки сесть. Тело работало с неприличной лёгкостью.

— Мне нужно встать, — сказал я.

Мария хотела возразить, но я уже поставил ноги на пол. Холод досок оказался удивительно приятным. Я поднялся, выждал, пока комната перестанет покачиваться, и прошёл до окна. Пять шагов. Назад ещё пять. Ни колено, ни поясница не напомнили о себе.

Захотелось смеяться.

Глупо, неуместно, почти непристойно — а всё-таки захотелось. Двадцать лет я выбирал лестницы по числу ступеней, а кресла по высоте сиденья. Теперь можно было просто идти. Я сделал ещё несколько шагов, слишком быстро повернулся и вцепился в спинку стула. Радость кончилась ударом в висках.

— Ваня!

— Всё. Уже понял.

Сел. Повязка под волосами неприятно стянула кожу. Вторую молодость, если это она, выдали после ремонта. Акт приёмки я ещё не видел. Мария подала воду и осталась стоять рядом.

— Ты вчера... то есть до падения... Ты хотел что-то сделать с заводом?

— Хотел узнать, что ещё можно продать.

Я посмотрел на трубу.

— И что можно?

— Григорий считает, что станки уйдут за бесценок. Но другого покупателя нет.

— Кто такой Григорий?

— Савельев. Старший мастер. Ты его узнаешь.

Она помолчала.

— Ваня, есть ещё одна вещь.

По её голосу я сразу понял: вот теперь закончились разговоры о здоровье. Мария достала из ящика сложенный лист с банковской печатью. Бумага была плотной, дорогой. У людей, которые собирались забрать чужой завод, на бумаге не экономили. Я прочёл уведомление два раза.

Основной долг — двадцать четыре тысячи рублей. Начисленные проценты — триста. Соглашение об отсрочке действует до тридцатого апреля включительно. Чтобы его сохранить, необходимо внести четыре тысячи основного долга и проценты. До пяти часов пополудни. После этого график продолжится. Если не внесём — первого мая банк начнёт опись заложенного имущества и ограничит его отчуждение.

— Они сразу заберут завод?

— Поверенный говорит, не сразу. Сначала опись.

Сначала опись, потом разрешение на каждое движение. Предприятие можно остановить и не меняя собственника.

— Дом тоже в залоге?

— Нет. Дом мой.

В её ответе прозвучало что-то твёрдое. Видимо, этот разговор уже происходил.

— Хорошо, — сказал я.

Она посмотрела настороженно.

— Что хорошо?

— Что дом не в залоге.

— Ваня, я не могу...

— Я не собираюсь просить.

Мать долго смотрела на меня. Потом села.

— Алексей тоже говорил, что не собирается. А потом оказалось, что поручительство уже написано. Я не подписала.

О покойном отце я пока знал лишь одно: технические неприятности он пытался решить кредитом. Это распространённая болезнь. Станок не начинает работать лучше оттого, что предприятие задолжало ещё одному человеку.

— Сколько в кассе?

— Триста рублей.

Я положил уведомление на стол. Тридцать дней. Триста рублей. Четыре тысячи триста обязательного платежа. Старые станки и люди, которые наверняка ненавидят моего предшественника. Задача, по крайней мере, имела границы.

— Зарплата?

— Девятьсот не выплачено. За несколько сроков.

— Рабочих сколько?

— Двадцать восемь. Кажется. Четверо уже почти не приходят.

— Счета и заказы где?

— В кабинете.

— Мне нужен ключ.

Мария опустила взгляд на мои руки.

— Тебе нужен покой.

— До утра я буду сидеть. Но сидеть могу и над бумагами.

Она не ответила сразу.

— Ты понимаешь, что это не игра?

В прежней жизни у меня осталось двое детей. Лена должна была вечером позвонить, спросить, как прошло испытание. Максим наверняка услышит новость первым: он жил ближе к заводу. Мне вдруг стало так больно, что я перестал чувствовать повязку.

Наталья умерла пять лет назад. Тогда я тоже продолжал считать смены, закупки и сроки. Считал, потому что остановиться означало увидеть пустой стул целиком. Первое время всё забывал снять вторую чашку с полки. Рука тянулась раньше, чем я успевал вспомнить, что больше никто не попросит налить чай покрепче.

Сейчас там снова оставили пустой стул. Только я оказался по другую сторону.

— Понимаю, — сказал я.

Мария принесла ключ.

* * *

Кабинет находился через коридор. Я дошёл до него, держась за стену только на повороте. На письменном столе стоял бронзовый прибор с двумя засохшими чернильницами. Между бумагами лежал раскрытый каталог токарных станков. На полях кто-то карандашом вывел цену и подчеркнул её трижды. Я сел в кресло, которое пахло старой кожей.

Пакет заказов нашёлся в нижнем ящике. Платёжные требования — сверху, там, где их невозможно было не увидеть. Отдельно лежала опись имущества. Я прочёл первые строчки, потом нашёл лист с банковским приложением. Главный токарный станок. Инвентарный номер восемь. Залоговая стоимость. Напротив карандашная пометка: «Не работает. Требуется замены передней опоры».

Из коридора слышались голоса. Мария разговаривала с мужчиной.

— Он очнулся, Григорий Петрович. Но ему нельзя...

— Тогда завтра. Я хотел спросить о корпусах. Скупщик обещал забрать утром, деньги живые.

Я открыл дверь. Мужчина был невысоким, широким в плечах, с редкими седыми волосами. Снятая шапка висела у него в руке. Увидев меня, он не улыбнулся.

— Пока ничего не продавайте, — сказал я.

Он перевёл взгляд на Марию, обратно на меня.

— Вы сами велели.

— Я не осмотрел имущество.

— Оно от осмотра дороже не станет.

— Иногда становится.

Савельев сжал край шапки. Я видел перед собой человека, который давно привык получать приказы, не имеющие отношения к работе. Сейчас ему предложили ещё один.

— Завтра утром придёте? — спросил он.

— Приду.

— Раньше тоже говорили.

Не оправдываясь, напомнил я себе. Никто здесь не обязан верить неизвестному старику, выглядывающему из лица их барина.

— Поэтому ничего нового не обещаю. До осмотра не продаём. За задержку разговора со скупщиком отвечаю я.

Мастер несколько секунд помолчал.

— Хорошо.

Он ушёл, не назвав меня ни по имени, ни по отчеству. Я вернулся к столу. Под уведомлением лежала опись, под описью — список задолженности людям. Верхнюю бумагу я отодвинул и взял карандаш.

За дверью тихо звякнула посуда: Мария убирала ужин. Я прислушался к этому звуку, пока он не стих, и положил рядом два листа — банковский долг и долг рабочим. Судьба могла подождать. Для начала нужно было выяснить, почему не работает станок.

Глава 2. Станок, который списали

В кабинет я вернулся после ужина и просидел там до тех пор, пока цифры не начали расплзаться.

Заказ от мельницы лежал в папке с надписью «Исполнено». Денег по нему не поступало. Внутри обнаружилась записка Савельева: «Остаток партии без большого станка не доделать». Удобная система учёта. Чтобы узнать положение дела, требовалось открыть папку и опровергнуть её название.

Я выписал номер заказа на отдельный лист. Потом ещё один — стандартные детали для железнодорожной ремонтной мастерской. По нему не хватало нескольких втулок больших размеров. Оба заказчика обещали рассчитаться при получении. Оба ждали. Оба могли отказаться.

Перед сном я попробовал воспроизвести чертёж старого насосного корпуса по каталогу. Карандаш лёг в пальцы непривычно. Рука двигалась быстро, уверенно, но линию я вёл иначе. Пришлось начать заново. В зеркале над умывальником стоял юноша с тёмными кругами под глазами.

— Ладно, — сказал я ему. — Сначала научимся жить сутки.

Он смотрел так, будто рассчитывал на более интересную программу.

* * *

На завод я пришёл утром второго апреля. Дорога заняла двенадцать минут. Раньше на такое расстояние я предпочёл бы машину, а здесь только немного вспотел под пальто. У ворот остановился, не потому что устал: хотел разглядеть вывеску. «Игнатовский механический завод». Внизу маленькими буквами: «Насосы. Машинные части. Ремонт».

Из всех способов начать новую жизнь мне достался самый знакомый. Даже запах — дым, сырой металл, угольная пыль — не требовал пояснений. Внутри было слишком тихо. Паровая машина работала, но по ремням двигалась только часть передачи. Два небольших токарных станка занимали левую стену. У сверлильного участка мужчина в кожаном фартуке снимал со стола стружку. На полу возле большой машины лежал обрезок ремня. Рабочие смотрели на меня.

Один снял шапку. Другой не стал. Третий посмотрел на двери, словно прикидывал, кого я привёл следом. Савельев вышел из-за колонны.

— Пришли всё-таки.

— Пришёл.

Он хотел добавить что-то ещё, но я не дал разговору упереться в прошлое.

— Покажите станок.

— Вот он.

Большой токарный стоял посредине цеха. Длинная станина, массивная передняя бабка, привычный чугунный силуэт. На металле темнели следы многолетней работы; рукоятки были отполированы ладонями. Старая машина. Но не древнее тех, на которых мне доводилось делать срочные детали, когда новые вставали без импортной электроники.

— Когда остановился?

— Третью неделю стоит.

— Что было первым?

— Передняя опора греется. Потом вал тянет.

— Смазка?

— Маслёнка полная.

Я поставил ладонь на корпус. Холодный.

— Я спрашиваю, доходит ли масло до шейки.

Савельев посмотрел на меня внимательнее.

— Снимали крышку. Суховато. Доливали.

— После чего началось?

— После ремонта.

— Кто делал?

Мастер назвал фамилию, которой я не знал.

— Осенью. Я тогда лежал, грудь прихватило. Алексей Николаевич торопил: заказ горел.

— А потом?

— Работало. Помаленьку. Потом начало греть. Вызвали мастера со станции. Он написал — переднюю опору менять, шейку смотреть. Вот смета.

Савельев протянул сложенный лист. На бумаге стояла сумма, почти вдвое превышавшая нашу кассу. Отдельно — разборка, доставка и работа по месту.

— Почему сами не разобрали?

Он перестал смотреть на станок.

— Потому что вы запретили. Сказали, станок и так потерял в цене, а мы его ещё и разукomплектуем.

Познакомиться с прежним собой удавалось исключительно через неприятные рассказы.

— Теперь разрешаю, — сказал я.

— Полную разборку?

— Пока доступную часть. Без кувалды и без вытаскивания шпинделя на пол.

Савельев помолчал, затем повернулся к молодому парню у верстака.

— Фёдор. Ключи.

Парень подошёл с ящиком. Ему было чуть за двадцать. Рукав на правой руке он подшил выше запястья, чтобы не цеплялся. Заметил мой взгляд и быстро поправил второй.

— Хорошая привычка, — сказал я. — Оставь так.

Он растерялся.

— Что?

— Рукав.

* * *

Перед тем как начать, я попросил снять ремень с привода. Фёдор кивнул, а Савельев приподнял бровь.

— Машина и так не идёт.

— Зато привод идёт. Мне нужно, чтобы никакой добрый человек не помог нам запуском. Я показал на висящий конец.

— Отвяжите и отведите. И скажите всем, что здесь разбирают.

Мастер сделал это сам. Когда сняли крышку, я понял, что слишком рано порадовался молодым рукам. Они были сильными, но кожа не привыкла к работе. Через полчаса на пальце уже краснела первая ссадина. Фёдор протянул тряпку.

— У вас кровь.

— Хорошо, что заметил.

— Может, мы сами?

— Вы сами и делаете. Я смотрю.

Отойти всё-таки пришлось. В висках тупо стучало, а от запаха старого масла подкатывала тошнота. Я облокотился на станину и заставил себя не изображать человека, которому падение в яму пошло на пользу. Савельев поднял верхний бронзовый вкладыш. На рабочей поверхности виднелась матовая полоса. Не катастрофа, но хорошего в ней не было.

— Прихватывает, — сказал он.

— Да.

— Вот и замена.

— Погодите.

Я взял деталь через тряпку, повернул, затем посмотрел на отверстие в крышке. Подающий канал вёл ровно туда, где никакого отверстия во вкладыше не оказалось.

— Он так стоял?

— Так.

— Покажите другую сторону.

Савельев перевернул деталь. Масляное отверстие смотрело в противоположную сторону. Под посадочным местом тянулась тонкая прокладка. Её тоже не прорезали по каналу. Я не сказал ничего победного. Слишком часто за свою жизнь слышал после ремонта: «Вот и нашли, теперь всё». Потом оказывалось, что нашли лишь повод радоваться.

— Канал нужно прочистить и проверить, — сказал я. — Вкладыш стоял не той стороной. Но сначала посмотрим шейку и зазор.

Мастер взял деталь обратно. Провёл большим пальцем по бронзе.

— Её перевернули, чтобы крышка лучше села.

— И чтобы масло до рабочего места не дошло.

Фёдор заглянул через плечо.

— А почему работало?

— Потому что масло, оставшееся после сборки, ещё какое-то время было внутри. Потом подливали снаружи. На малой нагрузке терпело. Пока не перестало.

Я посмотрел на ремень.

— И ремень порвался не от старости?

— Когда заклинило, — тихо сказал Савельев.

Вот теперь у остановки появилась последовательность. Не дорогой узел, который внезапно решил стать дорогим. Нарушенная смазка, нагрев, прихват, нагрузка на передачу.

— Восстановить можно? — спросил Фёдор.

Я осмотрел шейку. Глубоких борозд не увидел. На валу остались следы бронзы, но металл под ними ещё требовал проверки.

— Возможно. Если снимем только задиры, проверим прилегание и не станем выдумывать износ, которого нет.

Савельев молчал.

— Григорий Петрович?

— Шабрить буду сам, — сказал Савельев. — Фёдор, лампу ближе. И краску, не ту засохшую.

Он уже смотрел на вкладыш. Я отодвинулся, освобождая ему место, и впервые за это утро почувствовал себя в цехе своим: мастер перестал тратить силы на ожидание очередной барской глупости.

* * *

К полудню выяснилось, что станок действительно можно вернуть без замены всей опоры. Не в состояние нового, но в состояние машины, способной обработать наши втулки. За восстановление вкладыша взялся Савельев. Я поручил Фёдору приготовить подачу масла и контрольную заготовку.

— Канал продуем?

— Сначала прочистим. Потом пролей. Мне нужно видеть, откуда выходит масло, а не слышать, что воздух прошёл.

— Сколько лить?

— Пока не получим чистый выход. Собери в посуду. Поливать пол — отдельная профессия, у нас вакансии нет.

Фёдор усмехнулся. К станку подошёл рабочий в фартуке.

— Иван Алексеевич, господин от скупки заходил. Спрашивал про корпуса.

— Мы их пока не продаём.

— Тогда он сказал, по другой цене не возьмёт.

— Это его право.

Рабочий постоял, потом добавил:

— Нам бы наши деньги.

Веселье исчезло сразу.

— Знаю.

— В прошлый раз тоже знали.

Савельев обернулся, но я поднял ладонь.

— Вы работаете по мельничному заказу?

— По нему.

— Если закончим, заказчик заплатит девятьсот. Из них часть сразу пойдёт на старый долг по зарплате. Сумму и порядок скажу до оплаты, чтобы потом не спорить у кассы.

— Почему часть?

— Потому что, если отдадим всё, завтра опять встанем.

— Значит, на завод есть, на нас нет?

— На работающий завод и на вас должны быть одни и те же деньги. Пока их мало. Я не прошу считать это справедливым.

Рабочий посмотрел на раскрытую переднюю бабку.

— Сначала пусть заработает.

— Согласен.

Он ушёл. Оказалось, молодой голос не делает неприятный разговор легче. Просто люди ждут, что в конце я обижусь. На масло, ремень и расходные материалы потребовалось восемьдесят рублей. Я собственноручно написал разрешение, Савельев отправил человека в лавку, а я впервые увидел, сколько времени съедает покупка без доверия.

Продавец потребовал расчёт сразу. Посыльный вернулся за недостающей суммой — цены в старом списке успели измениться. Пришлось убрать из покупки лишнюю канистру и проверить, сколько действительно нужно на запуск.

Я привычно потянулся к карману, будто мог доплатить из своих. Там лежал только платок. Ни карты, ни бумажника с деньгами на мелкие заводские неприятности. В этом кармане и в кассе был один и тот же предел, а масло требовалось настоящее. Из трёхсот осталось двести двадцать. Станок пока не сделал ни одного оборота.

* * *

Во второй половине дня мы собрали опору. Фёдор показал мне выход масла до установки крышки. Савельев проверил прилегание. Я повернул шпиндель вручную. Тяжёлый, ровный ход.

— Привод возвращаем? — спросил мастер.

— На малой скорости. Без детали. Вы стоите у выключения.

— Я знаю, где выключение.

— Я не об этом. Вы решаете, когда остановить, если вам что-то не нравится.

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Даже если вам нравится?

— Особенно тогда.

Мастер не улыбнулся. Но очки поправил уже без прежнего раздражения. Передача взяла ремень. Шпиндель пошёл. В первый миг я невольно шагнул ближе и тут же заставил себя остановиться. Дурная привычка — присутствовать телом там, где достаточно наблюдать глазами. Машина работала спокойно. Савельев через короткие промежутки проверял опору, Фёдор следил за подачей масла. Никто не хлопал в ладоши.

Через некоторое время остановили. Проверили. Пустили снова. Потом закрепили пробную деталь. Резец вошёл в металл. На поверхности появилась ровная блестящая дорожка. Я

смотрел на стружку и понимал, что испытываю совершенно нелепое счастье. Не потому, что решил трудную задачу. Задача как раз оказалась простой.

Потому, что здесь моё знание всё ещё что-то меняло. Савельев подошёл к передней опоре, задержал ладонь над корпусом, коснулся.

— Идёт.

Фёдор выдохнул.

У дальней стены кто-то сказал:

— Смотри-ка.

Мы завершили пробную обработку, измерили деталь, увеличили нагрузку в допустимых пределах. Опора оставалась спокойной. Станок вернулся в цех. Я уже собирался сказать, что на сегодня всё, когда Савельев взял меня за рукав и подвёл к стеллажу. На деревянной полке лежали втулки. Почти готовые. Такие обидно видеть в чужом цехе, а в своём — вдвойне.

— Мельничные, — сказал он. — Осталось закончить посадки на этих и проверить партию. Остальное давно сделано.

— За день успеем?

— За день успеем.

Я достал записанный номер заказа.

— Кто принимает?

— Хозяин. У него механик придирчивый.

— Это хорошо.

Мастер впервые усмехнулся.

— Вам — может быть.

* * *

Мельника нашёл посыльный. Тот прислал ответ: придет утром третьего числа, но платить за негодные детали не станет. Ещё просил не задерживать его попусту. Ответ мне понравился. У человека существовали понятные условия. Я задержался возле станка, когда смена начала расходиться. Фёдор убирал инструмент, раскладывая ключи по местам. При мне он стал делать это слишком тщательно.

— Не нужно показывать, что ты никогда не торопишься, — сказал я. — Нужно, чтобы утром всё нашлось.

— Я и раскладываю.

— Тогда хорошо.

Он хотел что-то спросить, но промолчал. Савельев дождался, когда парень уйдёт к раздевалке.

— Восемь человек завтра могут не прийти.

— Из-за денег?

— Из-за всего. У них другое место есть. Подённая работа.

Я посмотрел на втулки.

— Кто из них нужен для заказа?

— Двое.

— Поговорите с ними. Обещать полную выплату не будем. Скажем ровно то, что есть: заказ готовим, деньги по получении, старый долг уменьшаем первым.

— Если не придут?

— Распределим работу на тех, кто придёт.

Савельев кивнул. У ворот я обернулся. В окнах ещё горел свет, ремни стояли, остывал металл.

Станок мы запустили. На скамье у прохода осталась забытая рукавица; её хозяин завтра ещё мог выбрать подённую работу. Я хотел, чтобы пришёл сюда, но исправная опора не заме-

няла человеку заработка. Утром предстояло узнать, достаточно ли первого успеха, чтобы люди вернулись.

Глава 3. Первые девятьсот

Утром я сосчитал занятые верстаки. Смотреть на пустые успею, если не справимся с заказом.

Савельев уже был возле большого станка. Фёдор раскладывал готовые втулки на чистой доске. Двое рабочих, которых мастер опасался потерять, стояли рядом. Двадцать четыре человека из двадцати восьми. На сегодня этого хватало.

— Пришли, — сказал Савельев.

— Вижу.

— До полудня.

— Тогда не будем тратить полдня на разговоры.

Втулки проверяли все, без выборки. Заказ долго лежал, часть деталей успела потемнеть. Фёдор протирал их, мастер промерял, я сверял размеры с листом заказа. Одна не прошла. Разница была небольшой. Настолько небольшой, что человек, которому срочно нужны деньги, мог бы объяснить себе: при сборке всё притрётся. Я покатал втулку между пальцами и положил отдельно.

— Ещё раз.

— Посадка сядет, — сказал рабочий.

— Возможно. А возможно, мельник вернёт всю партию.

— Раньше отправляли.

— Сегодня не отправим.

Это вызвало у людей больше раздражения, чем разборка станка. Станок был общим бедствием, а лишняя обработка — личной работой. Савельев взял деталь.

— Снимем аккуратно.

— После снова промерить.

— Я не мальчик.

— Тогда мне повезло.

Он хмыкнул и пошёл к станку.

* * *

Мельник приехал на тяжёлой коляске. С ним был сухой пожилой человек в очках, который привёз собственный измерительный инструмент и не поздоровался ни с кем раньше, чем увидел партию. Мне понравился уже второй человек за эту неделю. Они осмотрели втулки. Механик не торопился, перебирал каждую, проверял края. Возле одной задержался. Именно той, которую мы вернули на обработку.

— Эту делали последней?

— Да, — ответил Фёдор.

— Лучше остальных.

Парень посмотрел на Савельева. Мастер сделал вид, что не заметил. Мельник всё это время ходил по цеху. Остановился у запущенного станка.

— А мне говорили, вы распродаётесь.

— Пока работаем.

— Пока — слово хорошее.

Он был широким, уверенным, с человеком, который знает стоимость мешка муки не по чужому счёту. На меня смотрел без почтения.

— Вы новый хозяин?

— Тот же. После падения пришлось кое-что пересмотреть.

— Падение помогает?

— Если потом встать.

Мельник усмехнулся. Механик закончил измерять, убрал инструмент.

— Можно брать.

Вот эти два слова мне хотелось услышать сильнее любых поздравлений. Мы прошли в контору. Мельник отсчитал деньги, положил расписку возле чернильницы и подождал, пока я поставлю подпись. Подпись молодого Ивана выходила сама собой, стоило не задумываться. Девятьсот рублей. К прежним двумстам двадцати — тысяча сто двадцать.

Мельник забрал документы и задержался у двери.

— Если эти встанут как надо, дам ещё работу.

— Тогда сначала пусть встанут.

Он повернулся.

— Не боитесь заказ упустить?

— Боюсь получить его раньше, чем узнаю, что мы умеем.

— Станный вы после падения.

Об этом мне уже говорили. Когда коляска уехала, рабочие собрались у конторы. Не все одновременно. Сначала трое, потом ещё пятеро, потом стало ясно: станки дальше не будут работать, пока разговор не состоится.

* * *

— Деньги получили? — спросил мужчина в фартуке.

— Получили.

— Тогда рассчитывайте.

Он говорил от группы. За его спиной стоял Фёдор и смотрел в пол. Я вынес стул и поставил у дверей. Садиться не стал: положил на сиденье ведомость, которую утром составил вместе с Савельевым.

— Старый долг — девятьсот. Сейчас выплачиваем триста. Каждому треть того, что ему должны по этому списку.

Мужчина в фартуке выдохнул через нос.

— А остальные?

— Шестьсот остаются записанным долгом. Следующая выплата будет по той же ведомости.

— Когда?

Хороший вопрос.

— Дату сейчас не назову. По второму старому заказу можем получить шестьсот, но сначала нужно его закончить.

Слева заговорил ещё один рабочий:

— У меня жена болеет. Мне не треть нужна.

— У меня трое детей, — ответил кто-то.

— У него дети, а у меня квартира...

За минуту завод превратился в двадцать отдельных бедствий. Больная жена, трое детей, плата за квартиру — люди называли причины, за которыми я слишком легко слышал только слово «зарплата». Каждая причина была настоящей. Деньги тоже были настоящими, но на всех их не хватало. Я поднял ведомость.

— Мы не распределим деньги так, чтобы всем сегодня стало хорошо. Я могу распределить их так, чтобы не выбирать самого громкого. Вот сколько кому должны. Вот что получит каждый. Ошибка в сумме — говорите сейчас.

Мужчина в фартуке подошёл ближе, ткнул пальцем в свою строку.

— Здесь правильно.

— Тогда распишетесь после получения.

— Оставшиеся деньги себе?

— На работу.

— Это раньше тоже называлось работой.

Я посмотрел на него.

— Вы правы. Поэтому расходы будет видно. Вы вправе спросить, сколько ушло на материал, сколько — людям. Но денег от этого больше не станет.

У дальней стены закашляли. Кто-то переминался, кто-то уже считал свою треть. Савельев стоял рядом и не вмешивался. Я понял, что он тоже ждёт, сорвусь ли я.

— Расчёт идёт сейчас, — сказал я. — После расчёта каждый решает, возвращается ли к работе. За старый долг вы не обязаны мне новой верностью.

В цехе стало тише. Первым к столу подошёл не мужчина в фартуке, а рабочий, у которого болела жена. Когда ведомость закрыли, в кассе осталось восемьсот двадцать рублей. Никто не поблагодарил.

Так и должно было быть. Благодарить работодателя за часть давно заработанного — унижительная привычка, которую завод приобретает вместе с долгами. Зато станки после обеда снова заработали.

* * *

Дома Мария спросила о деньгах раньше, чем о моей голове.

— Получил?

— Девятьсот.

Она закрыла глаза на мгновение.

— Значит, хватит заплатить людям.

— Часть уже заплатил.

Глаза открылись.

— Часть?

Я положил на стол копию ведомости и запись расходов. Она читала медленно. Не потому, что плохо разбиралась в цифрах, — потому, что хотела найти в них обещание, которое я опять скрыл.

— Ты оставил их ждать.

— Я оставил завод работать.

— Твой отец говорил именно так.

Тут следовало промолчать. Я почти успел.

— Он не всё говорил.

Мария отложила лист. Её лицо стало совершенно неподвижным. Я понял, что ударил там, где не имел ни права, ни знаний.

— Извините, — сказал я. — Я знаю об этом слишком мало.

— Да.

Одно короткое слово оказалось тяжелее всей рабочей переключки. Я убрал руки со стола.

— Расходы я не буду от вас скрывать.

— От меня он начал скрывать не расходы. Он начал скрывать неудачи.

Это я понимал лучше, чем хотел. Мария поднялась, подошла к шкафу и достала небольшую визитную карточку.

— Софья Михайловна Ланская. Она разбирала наши бумаги, когда банк согласовывал отсрочку. Очень неприятная женщина.

— Нам нужна бухгалтер?

— Нам нужен кто-нибудь, кто не поверит тебе на слово.

— Тогда пригласите.

Мария посмотрела на меня так, словно я снова задал вопрос о её имени.

— Сам хочешь?

— Очень.

* * *

Софья пришла утром четвёртого апреля. У неё была папка под мышкой, тёмное платье и лицо человека, который заранее решил, сколько времени согласен потерять. Мария усадила её в кабинете. Я вошёл через минуту и получил взгляд с головы до ног.

— Вам лучше? — спросила Софья.

— Достаточно, чтобы читать.

— Это уже больше, чем в наш прошлый разговор.

Неизвестный предшественник продолжал обеспечивать мне занимательное общение.

— Я хотел бы начать новый.

— Состояние счетов от этого не меняется.

— Именно поэтому вы здесь.

Она положила папку на стол и не сняла перчаток.

— Какие документы сохранились?

Я показал шкаф и два ящика. Через четверть часа она сняла перчатки и шляпку, попросила другой стул. На край стола легли карандаши, аккуратно обрезанные до разной длины. Длинным Софья сверяла счета; короткий взяла, когда добралась до сомнительных записей. Через полчаса спросила, кто придумал папку «Исполнено».

— Не я, — сказал я. — Теперь это почти единственное, в чём могу уверенно оправдаться.

Она не улыбнулась. Разделила бумаги на несколько стопок. Мельничную оплату отложила отдельно.

— Вы считаете это новым заработком?

— Это завершение старого заказа.

— Значит, материалов в сегодняшних расходах по нему почти нет?

— Уже были куплены.

— И людей вам должна была оплатить предыдущая работа.

— Должна была.

Она подняла глаза.

— Не называйте эти девятьсот прибылью.

— Не называю.

— Хорошо. Кому вы обещали полную зарплату?

— Никому.

Мария, стоявшая у окна, вмешалась:

— Пока.

Софья посмотрела на неё, потом снова на меня.

— Мне нужен доступ ко всем расходам. Если материал покупают, я должна узнать до того, как его купят. Платёж людям — по ведомости. Ваши личные деньги с заводскими не смешиваем.

— У меня есть личные деньги?

Она впервые слегка улыбнулась.

— Нет. Но иногда это не мешает людям смешивать счета.

Мы договорились о работе до конца апреля. Оплату включили в общий фонд месяца, отдельно записали обязанности и право потребовать остановки расхода, которого нет в плане.

— Техническую необходимость вы определяете, — сказала она. — Возможность заплатить — я. Если наши мнения не совпадут, придётся разговаривать.

— Я умею.

— Посмотрим.

* * *

Двести рублей апрельского аванса выдали в тот же день. Софья сверила список сама. Сказала, что задолженность прежнего периода и новый заработок должны лежать в разных

графах, иначе в конце месяца каждый посчитает выгодную ему цифру. Рабочие приняли новую ведомость без возмущения. Мужчина в фартуке спросил, кто она такая.

— Бухгалтер, — ответил я.

— Надолго?

— До конца месяца.

— А потом?

— Потом будем знать больше.

Он кивнул. Видимо, такой ответ всё же отличался от обещаний до конца жизни.

К вечеру в кассе оставалось шестьсот двадцать. Софья нашла второй заказ — стандартные запасные детали для станционной мастерской. Небольшая партия, которую можно завершить без новых закупок. Савельев тем временем показал мне склад. Под брезентом стояли два насосных корпуса. Тяжёлые, покрытые защитной смазкой. Рядом — черновые колёса, крепёж, несколько старых валов.

— Вот эти хотел забрать скупщик, — сказал мастер.

Я откинул брезент полностью. Н-4. Старая заводская модель. Не шедевр. Обычная добротная машина своего времени, которую плохо обслуживали и каждый раз ремонтировали немного иначе.

— Оба целые?

— Литьё проверяли. До остановки заказ отменили. За корпуса мы уже заплатили.

Я провёл пальцем по плоскости фланца. Два насоса за месяц с пустого места я бы не сделал. С этими заготовками — возможно. В конторе меня ждала Софья.

— Посмотрите письмо, — сказала она.

Писал главный механик шахты «Северная». Не просил скидку. Не торговался. Перечислял простои, сроки доставки деталей и стоимость бригады, которую всякий раз приходилось вызывать отдельно. В конце стояла фраза: «При таком порядке ремонта наличие исправного насоса на складе не обеспечивает действующего водоотлива». Я прочёл её ещё раз. Необычный главный механик. Умел написать неприятную правду без лишних слов.

— Вам знаком Зорин? — спросил я.

— Лично нет. Но если хотите продать ему корпус, он вряд ли обрадуется.

— Я хочу продать ему другое.

Софья ждала.

— Время.

Она посмотрела на письмо, затем на меня.

— Тогда сначала выясним, сколько оно стоит шахте. У нас дорогой товар закончится тридцатого апреля.

Глава 4. Продавать простой

— Эти тоже по одной? — Фёдор поднял втулку из второй партии. — Размер стандартный.

— Тем удобнее проверить все.

— Я спрашиваю потому, что половину уже проверил Савельев.

— Тогда начни со второй половины. Его записи заberi. Не будем занимать людей одинаковой работой дважды.

Фёдор положил втулку к остальным. Проверять он не отказывался; это я услышал в вопросе то, к чему привык. Савельев стоял у станка и наблюдал за нами с выражением, которое я пока не научился читать. Кажется, ему нравилось, что новый барин раздражает не только старшего мастера. Станционный заказ завершили пятого апреля. Покупатель прислал человека с приёмным листом и деньгами. Шестьсот рублей добавились к кассе раньше обеда.

Я вышел из конторы, чувствуя себя почти состоятельным. Софья догнала возле склада.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Вы посмотрели на ящики.

— Я могу смотреть на ящики.

— Можете. Но не покупать того, что в них лежит, без расчёта.

Тысяча двести двадцать рублей позволяли купить удивительно много ненужного. Я вспомнил эту особенность производственного бюджета гораздо раньше, чем хотелось. На складе мы оставили небольшое количество деталей привычных размеров. Савельев предлагал отправить покупателю всё, что подходило под его перечень.

— Получим больше, — сказал он.

— Получим. А потом будем покупать это заново, если возьмём насосы.

— Если возьмём.

— Поэтому и оставим только то, без чего их не собрать. Остальное не трогаем.

Мастер провёл пальцем по полке.

— Раньше ваш отец держал здесь запас на год.

— А потом запас превратился в способ не знать, что действительно есть.

— Работать он помогал.

Я кивнул.

— Помогал. Нам нужен меньший, но понятный.

Савельев не спорил. На одной из коробок карандашом написал количество. Я заметил, как он зачеркнул старую цифру, вместо того чтобы оставить новую рядом. Маленькая вещь. Из таких складывается завод, на котором утром находят обещанное вчера.

* * *

Софья заняла край отцовского стола. Там всегда лежала карта губернии, раскрытый каталог и пачка чужих требований. За день она убрала каталог, свернула карту и заменила требования собственным листом.

— Вот наши деньги, — сказала она.

На листе были три столбца: поступление, расход, остаток.

— Вот наши обещания.

Второй лист оказался длиннее первого. Я сел напротив.

— Если брать маленькие ремонты каждый день?

— Можете гарантировать заказ на завтра?

— Нет.

— И цену?

— Нет.

— Тогда это не план платежа банку. Это надежда, что к вам будут обращаться достаточно часто.

Я посчитал ещё раз. Четыре тысячи триста банку. Шестьсот людям за прошлое. Начисления текущего месяца. Топливо, материал, доставка. Не всё приходилось отдавать сегодня, но всё требовало денег раньше, чем наша надежда научиться работать.

— Случайными ремонтами не успеть, — сказал я.

— Если кто-нибудь не принесёт очень случайный дорогой ремонт.

— Такие обычно приходят с очень случайными дорогими материалами.

Софья кивнула.

— Поэтому мне понравился ваш разговор о времени. Но пока я не поняла, кто за него заплатит.

— Зорин.

— Он ещё не знает.

— Узнает.

Она отодвинула от меня карандаш.

— Иван Алексеевич, я слышала хорошие намерения от вашего отца. Он был взрослым человеком, и у него имелось больше оснований для уверенности. Мне нужно, чтобы ваш следующий шаг можно было остановить без потери всего.

— Пилотная машина.

— За сколько?

Вот здесь начиналась работа.

* * *

Старые чертежи Н-4 мы разложили на верстаке. Савельев сразу нашёл разницу между листом и тем, что завод делал в последние годы. Другой крепёж. Изменённая посадка. Крышку когда-то приспособили под новый вал, но новый лист в комплект не добавили.

— Эта машина у вас хорошая? — спросил я.

— Нормальная.

— Что ломается?

— Смотря куда поставят.

— На шахте?

— Износ. Песок. Иногда колесо задевать начинает. Подшипники, если не смотрят. Сальник, если затягивают как гайку на оглобле.

Он перечислял без обиды за модель. Значит, мог о ней говорить честно. Мы сняли одну крышку с сохранившегося корпуса. Её удерживали заржавевшие гайки, часть которых пришлось долго отмачивать. Два часа ушли на то, чтобы посмотреть внутрь машины, которая даже не работала.

— Вот за это шахта и платит, — сказал я.

Фёдор нахмурился.

— За разборку?

— За то, что не может работать, пока ждёт разборку.

У нас были приличный корпус и понятное колесо. Подачу они могли обеспечить на существующем участке. Но изношенную поверхность восстанавливали по месту, размеры гуляли от одного заказа к другому, каждый ремонт превращался в отдельное изготовление. Я достал два старых кольца. С виду одинаковые. Фёдор попробовал приложить их к одному месту. Первое село. Второе не вошло.

— С другого насоса, — пояснил Савельев.

— С той же модели?

— Раньше точили иначе.

— А заказчик об этом знает?

Мастер пожал плечами.

— Когда разобрал — знает.

Я положил кольца рядом. Не нужно было изобретать насос. Нужно было сделать так, чтобы слово «запасной» перестало означать «почти подходящий».

— Сменное кольцо, — сказал я. — Доступная крышка. Два комплекта размеров, сведённые в один. Крепёж, который можно открутить обычным инструментом. И запасные части сразу с машиной.

Савельев взял чертёж.

— Посадки придётся проверять на обоих.

— На обоих и на запасных.

— Работа лишняя.

— Лишняя здесь — или лишняя под землёй. За вторую платят гораздо больше.

Мастер ничего не сказал, но подвинул второй корпус ближе к свету. Мы составили перечень. Я вычёркивал всё, что требовало полного нового литья. Новая мысль не даёт права объявлять существующий завод другим предприятием. Основную геометрию сохраняли. Вмешивались в детали обслуживания и собирали первый насос как проверяемый образец. Софья пришла, когда на верстаке уже лежали расчёты материалов.

— Триста пятьдесят, — сказал я. — На первую машину. Заготовки наши, ранее оплаченные. Материал на сменные детали, крепёж, расходное.

— Из тысячи двухсот двадцати.

— Да.

— Если не заработает?

— Часть вернём в дальнейшую обработку. Но этих денег в кассе уже не будет.

Она внимательно прочла перечень.

— До встречи с шахтой больше не покупаете.

— Договорились.

— И я хочу видеть расчёт не только машины. Я хочу понимать, что вы предложите Зорину.

Я взял письмо главного механика.

— Сначала спрошу, сколько ему стоит ожидание.

* * *

Мария ждала меня дома за накрытым столом. Каша на этот раз была с мясом. Я заметил, как она смотрит, когда я ем, и понял: для неё я всё ещё мог внезапно снова закрыть глаза.

— Софья заходила, — сказала она.

— Проверяла, не трачу ли я деньги на дороге?

— Сказала, ты выбрал одну работу.

— Пока проверяем.

Мария положила вилку.

— Есть человек, готовый говорить о покупке завода целиком.

Я не ответил сразу.

— Кто?

— Посредник. Ему нужны машины и участок. Цену назовёт после осмотра.

В предыдущей жизни я видел такие осмотры. Покупатель заходил в цех уже с убеждением, что каждая потёкшая труба — основание снизить цену исправного станка. Но у матери были причины слушать посредника.

— Ты не обязана отказываться от разговора, — сказал я.

Она подняла глаза.

— А ты?

— Я прошу неделю. До двенадцатого. Если к этому времени не будет подтверждённого заказа, мы вернёмся к продаже.

— Подтверждённого кем?

— Договором и первым платежом.

— Слова твоего отца начинались с «ещё неделя».

— Тогда запишите дату.

Мария сидела неподвижно. Потом достала маленький календарь, провела ногтем по двенадцатому числу.

— У меня больше нет денег, Ваня. Даже если я захочу помочь.

— Я понимаю.

— Нет. Ты раньше понимал это как разговор. Теперь это значит, что денег нет.

— Тогда будем считать то, что есть.

После ужина я вышел во двор. Там пахло талой землёй. В прежней жизни весной я выходил из машины, шурился на свет и торопился внутрь, где ждали очередные бумаги. Сейчас стоял под небом, чувствуя, как легко воздух входит в грудь. У калитки начиналась тёмная улица. Можно было уйти в любой конец. В девятнадцать лет это всегда кажется возможным.

Я дошёл до калитки и положил ладонь на холодную щеколду. Город лежал за ней — чужой, большой, ещё не требовавший от меня ничего. Из дома позвала Мария: спросила, не забыл ли я шарф. Я ответил, что сейчас вернусь. Возле порога уже ждали сапоги, которые нужно было надеть завтра в цех.

Потому что на верстаке лежали два корпуса, люди пришли к станкам, а женщина в доме поставила мне тарелку с мясом, которого для себя не оставила.

* * *

Зорин приехал шестого апреля ближе к вечеру.

Софья добралась до шахты сама, передала письмо и вернулась раньше него. Когда я спросил, как уговорила, ответила:

— Сказала, что вы не просите покупать.

— Это было разумно.

— Он сказал то же самое.

Главный механик был крепким, коротко стриженным, с седой полосой возле правого уха. Пальто носил хорошее, но пуговицу на рукаве пришил сам: нитка не подходила по цвету. Он посмотрел на меня, затем на Савельева.

— Кто разговаривает о насосах?

— Я, — сказал я.

— Вы?

— И Григорий Петрович.

Зорин кивнул мастеру. Они были знакомы. Я показал корпус и объяснил, что собираюсь менять. Он не перебивал. Потом задал три вопроса. Какая подача на его участке? Какая вода допускается? Сколько времени займёт замена изнашиваемой детали? На первый я ответил: нужно осмотреть участок.

На второй: нужно посмотреть воду. На третий: нужно провести разборку на готовой машине и засечь.

— Пока вы ничего не продаёте, — сказал он.

— Пока нет.

— Что будет, когда узнаете?

Я показал лежавшие рядом кольца.

— Насос. Запасные части, которые подойдут. Обученную смену, которая сможет их поставить.

Зорин взял второе кольцо, перевернул.

— Сейчас у нас две машины одного поставщика. Детали между ними не подходят. Мне объяснили, что это разные годы выпуска.

— Для поставщика удобное объяснение.

— Для механика плохое.

— Поэтому я хочу показать, что наши подойдут.

Он вернул кольцо на стол.

— Если вы просто сделаете дешевле, мне этого мало.

— Я собираюсь сделать короче ожидание.

Зорин посмотрел на меня ещё раз. На этот раз без вопроса, кто будет разговаривать.

— Завтра приезжайте. С собой возьмите того, кто станет собирать. Не только считать.

— Фёдора.

— Хорошо. Приводы посмотрим, воду посмотрим. И приготовьтесь: Бекетов тоже придёт.

Имя я видел на счетах за импортные детали.

— Ваш поставщик?

— Мой поставщик знает, сколько стоит день без воды. И назначает цену так, будто других дней у шахты не бывает.

Зорин застегнул пальто. В кассе осталось восемьсот семьдесят рублей. На заводе не было готового насоса. У шахты был поставщик, деньги и весьма неприятный опыт.

Но главный механик пригласил нас вниз.

Глава 5. Внизу вода

Фёдор принёс две тетради.

— Одну испачкаем, — объяснил он.

— Обе испачкаем. Запиши на первой, где участок и какое число.

Он посмотрел на меня, решая, шучу ли я. У шахты нас встретил запах угля и мокрого дерева. Возле копра скрипела телега. Рабочие разгружали крепёж, человек у конторы пытался одновременно разговаривать с тремя другими и что-то писать на колене. «Северная» была рядом с городом, но жила в другом темпе. Здесь остановка машины не давала людям свободный день. Здесь она заставляла людей торопиться в худшем месте. Зорин вышел из конторы.

— Без барского пальто вниз не пойдёте?

— Если скажете, что вместо него.

Он протянул рабочую одежду и посмотрел на повязку.

— Голова?

— Лучше.

— Мне не нужно лучше. Мне нужно, чтобы вы не упали на лестнице.

— Если закружится, скажу.

Он не поверил, но это было разумное условие. Фёдор переоделся быстро. Мне пришлось повозиться: пуговицы на молодой рубашке жили по привычке другого человека. Зорин наблюдал без сочувствия.

— Здесь воду поднимают ступенями, — сказал он, когда мы вошли в подъёмную клеть.

— Ваши тридцать метров — один участок. Не вся шахта.

— Я так и понял из плана.

— Некоторые продавцы на плане понимают одно, на подписи — другое.

Клеть дрогнула и пошла вниз. На мгновение меня охватила такая же пустота, как перед пробуждением. Я сжал деревянный поручень, посмотрел на пальцы. Молодые. Целые. Фёдор стоял рядом, слишком старательно не замечая, что я побледнел.

* * *

Насосная располагалась у водосборника. Свет ложился на мокрые стены, в воздухе висел непрерывный гул. Старые машины работали. Это было важно: Зорин покупал не последний шанс выжить сегодня, а возможность перестать жить от ремонта до ремонта. На одной из крышек виднелась свежая краска. Рядом лежал снятый узел, который уже собирались отправить наверх. Сервисный слесарь в чистой куртке переписывал маркировку.

— Трошин, — представил его Зорин. — От Бекетова.

Слесарь коротко кивнул. Посмотрел на наши тетради, затем вернулся к бумаге.

— У них свой порядок возврата старых деталей, — добавил механик. — Пока не вернёшь, с тебя ещё за обменный узел требуют.

— Возврат через склад?

— Через общий. Он туда ходит как к себе.

Трошин услышал и улыбнулся.

— По договору, Егор Никитич.

— Я и говорю: как к себе.

Мы прошли дальше. Под ногами хлопала вода. Не глубокая, но достаточно, чтобы понять, почему в тетради должно быть две обложки. Зорин показал отметки на стене. Нормальный уровень, предупредительный, опасный. Потом достал журнал измерений.

— Обычно около семидесяти кубов в час. Случается больше. Весной вода не спрашивает, готовы мы или нет.

— Что было больше всего на этом участке?

Он провёл пальцем по строке.

— По прошлым измерениям — до девяноста пяти.

Я записал.

— Свободный объём до опасного уровня?

— От рабочей отметки девяносто кубов. Ниже ещё вода, но считать её вашим запасом не нужно.

— Не собираюсь.

Мы измерили проходы, посмотрели присоединения, проверили расположение приводов. Электродвигатели оставались шахтными. Нам требовались машины, подходившие к существующей схеме, а не новый рассказ о том, почему заказчик должен купить ещё всё остальное. Фёдор зарисовал соединение с приводом. Потом сел на сухой край ящика, чтобы не писать стоя. Я одобрительно кивнул. Зорин повёл к отстойнику.

Он был разделён на две секции. Одна работала. Во второй лежали доски, куски железа и какая-то сломанная тележка.

— Запасная? — спросил я.

— Была.

— Может снова стать?

— Может. Когда найдутся руки.

Я посмотрел на Зорина.

— Тогда это нужно сделать до наших насосов.

— Вы ещё не поставили их.

— А вода уже стоит перед существующими.

Механик не ответил. Достал карандаш и записал в свой блокнот. Мы обсудили решётку и то, что шахта должна задерживать до всасывающего участка. Насос можно приспособить к загрязнённой воде. Обещать, что он проглотит любой камень, может только человек, который потом будет далеко. Зорин слушал с явным облегчением.

— Бекетов говорит, у его агрегатов запас по тяжёлым условиям.

— Наверняка есть. Но запас не означает отсутствие условий.

* * *

Возле выработки нам встретился шахтёр.

Ему было за сорок. На щеке тянулась старая белая полоса. Он остановился, пропуская нас, потом спросил:

— Егор Никитич, опять машину менять?

— Смотрим.

— Смотрите побыстрее.

Зорин хотел пройти, но я задержался.

— Долго стояли в последний раз?

Шахтёр посмотрел на чистую часть моего рукава.

— Вы откуда?

— С Игнатовского завода.

— Хозяин, что ли?

— Он.

— Тогда долго. — Шахтёр поправил ремень лампы. — Когда наверху говорят «недолго», нам смену не оплачивают. А вода всё это время работает.

Фёдор отвернулся, скрывая улыбку.

— Пётр Корнеев, — сказал Зорин. — Лучше меня помнит каждый простой.

— Потому что вы журнал помните, а я деньги.

Корнеев перевёл взгляд на меня.

— Три смены ждали деталь. Потом ещё собирали. Нас на другой участок перекинули, там места мало. Заработок кто добрал, кто нет. Дома жена спрашивает, почему опять меньше. Ей что ответить — кольцо не прислали?

— Да, — сказал я. — Только вам от этого не легче.

— Вот именно.

Он не говорил с вызовом. Просто хотел, чтобы человек возле механика услышал больше, чем название машины.

— Если ваши поставят, ждать меньше?

— Если сделаем как задумано.

— Ну, сделайте.

Корнеев поднял ящик с инструментом и ушёл. Никакого особого знакомства не произошло. Но когда я вернулся к насосной, смотреть на кольца как на детали оказалось уже труднее. За каждой стояла чужая кухня, на которой снова объясняли, почему денег не хватило.

* * *

Бекетов ждал нас наверху. Человек сорока лет, аккуратная борода, перчатки из хорошей кожи. Одежда дорогая, но без желания показать цену издали. Он стоял рядом с коляской, разговаривал со служащим шахты и не выглядел человеком, которому сообщили о неприятном конкуренте.

— Иван Алексеевич, — сказал он. — Рад, что вы поправляетесь.

— Благодарю.

— Леонид Аркадьевич Бекетов.

Пожали руки. Его ладонь была сухой и сильной.

— Наслышан о вашем заводе. Ваш отец понимал, что местное производство должно знать свои границы.

— Я сейчас как раз их выясняю.

— Прекрасно.

Зорин вытер руки и вышел из-за наших спин.

— Леонид Аркадьевич, у нас через час совещание. Показывайте предложение.

Бекетов раскрыл кожаную папку. Там лежали чертёж и таблица. Хорошая импортная машина. Я не увидел причин объявлять её негодной. Даже по краткому описанию было понятно, что она рассчитана на серьёзную работу.

— Замена изношенного узла целиком, — объяснил Бекетов. — Готовая сборка. Наш мастер ставит, проверяет. Надёжнее частичного ремонта сомнительными деталями.

— Срок? — спросил Зорин.

— После подтверждения платежа и наличия. На этот месяц поставка возможна.

— А если через полгода?

— Будем смотреть наличие через полгода.

Я почти улыбнулся. Честный ответ. Очень неудобный покупателю. Бекетов заметил.

— У вас, Иван Алексеевич, все детали будут всегда?

— Нет.

Он поднял бровь.

— Похвальная прямота.

— Поэтому часть должна находиться на шахте, а не в обещании привезти её.

— Запас требует денег.

— Простой тоже.

— И качества. Я видел местные детали, которые по чертежу должны были подходить.

— Я сегодня видел такие у себя на складе.

Зорин посмотрел на меня. Бекетов тоже. Наверняка молодой наследник не должен был так говорить о собственном заводе.

- Тем более, — сказал поставщик. — Моя обязанность предупредить заказчика.
- Предупреждайте. Мы покажем результат до договора.
- Готовый насос у вас есть?
- Нет.

Бекетов закрыл папку, точно поставил точку в разговоре. На пальце у него остался светлый след от бумаги. Ни спуска в шахту, ни грязных сапог он не избегал; пришёл подготовленным и знал, какую работу продаёт. От этого спорить с ним было труднее.

— Тогда, Егор Никитич, лучше вернёмся к действующим предложениям. Планы молодого господина могут оказаться интересны, но воду откачивают не планы.

Вот этот удар был точным. Зорин не стал меня защищать.

— Проверка у Игнатовых будет, — сказал он. — До неё ничего им не обещаю. Ваше предложение у меня.

Бекетов кивнул и протянул папку служащему. Он уходил спокойно, и торопиться ему не требовалось. На столе оставалось его готовое предложение. Моё пока умещалось в двух тетрадах, которыми Фёдор старательно прикрывал испачканный рукав.

* * *

На обратной дороге Фёдор долго молчал. Мы шли пешком. Три километра после спуска показались больше утренних, но я не стал нанимать извозчика за счёт кассы.

— Их машины хорошие? — спросил парень.

— Да.

— Тогда зачем наши?

— Потому что хорошая машина может быть дорогой в ожидании ремонта.

Он посмотрел на свою тетрадь.

— А если их тоже поставить с запасными?

— Могут. Поэтому нам нужно показать, сколько стоит наш весь порядок. И что он работает.

Фёдор переступил через лужу.

— Он вас мальчишкой считает.

— У него хорошие глаза.

Парень засмеялся.

Я добавил:

— Не нужно выигрывать у него разговор. Нужно сделать то, что обещаем шахте.

У ворот завода голова снова напомнила о яме. Я остановился, переждал. Фёдор отвёл взгляд так деликатно, что я решил больше этого не поощрять.

— Я сейчас посижу. Ты перенеси размеры и покажи Григорию Петровичу присоединение. Не меняй ничего по памяти.

— Хорошо.

— Если рисунок неясный, скажи.

— Ясный.

Он сказал слишком быстро. Я запомнил, но спрашивать второй раз не стал. Потом мне придётся пожалеть об этой экономии.

* * *

Стенд начали готовить в тот же вечер. Использовали существующую ёмкость и рабочую передачу. Савельев нашёл подходящую обвязку. Фёдор проверил крепления. На топливо и подготовку ушло сто двадцать рублей. Софья записала расход, показала остаток: семьсот пятьдесят.

— До договора этот остаток должен жить, — сказала она.

— Будет.

— Вы можете знать, что машина заработает. Деньги этого не знают.

Я кивнул, но уже смотрел на чертёж. После шахты проект выглядел яснее. Я видел расположение, понимал режим. В знакомой задаче возвращалась привычная уверенность, которой так не хватало в чужом доме. Савельев наклонился над столом.

— Зазор здесь какой?

Я назвал. Он постучал ногтем по размеру.

— Мал.

— Для такого диаметра достаточно.

— На вашем чертеже — может быть. На нашем корпусе я бы дал больше.

— Потеряем подачу.

— Зато не потеряем кольцо.

Я взял карандаш. В старом цехе мы работали с другими материалами, другой точностью и новым оборудованием. Я об этом помнил. Именно поэтому считал, что учёл различия.

— Сначала проверим, — сказал я.

Савельев выпрямился.

— Хорошо.

Он не спорил.

Я почему-то счёл это согласием.

Глава 6. Подпись тоже инструмент

Софья встретила меня у конторы с листом, на котором слово «насос» встретилося только дважды.

— Это черновик договора, — сказала она.

— По виду — черновик войны.

— Тогда не подписывайте капитуляцию в первом абзаце.

Она показала место, где шахта предлагала рассчитываться после окончательного ввода. Мне требовалось сделать две машины, купить материалы, заплатить людям и доставить всё на место. Если деньги появятся только после этого, заказывать насосы следовало у человека, у которого уже есть деньги. У нас было семьсот пятьдесят рублей и убедительная внешность наследника.

— Эту строку меняем, — сказал я.

— Для этого и едем.

— Зорин знает?

— Зорин знает, что вы не банк.

* * *

На шахте мы разговаривали в комнате над приёмной. Стол был длинным и неудобным. Зорин сел у окна, служащий управления — напротив Софьи. Я выбрал место так, чтобы видеть обоих. На стене висел план выработок, под ним лежала пачка уведомлений о расходах. Шахта тоже существовала в мире, где каждый просил денег раньше, чем другая сторона хотела их отдать.

— Без испытания аванса не будет, — сказал служащий.

— Без аванса не будет двух готовых машин, — ответила Софья. — Испытание одной мы оплачиваем сами. После него вы решаете, нужен ли договор.

— А если после первого платежа они не сделают?

— Тогда в договоре будут срок, этапы и ответственность.

— Ответственность молодой фирмы с долгами мало стоит.

Он произнёс это без злости. Неприятные факты редко нуждаются в ней. Я положил на стол рисунок.

— Первый насос уже в изготовлении. Второй корпус у нас, заготовки тоже. Нам нужны новые материалы и работа. Пилот после доработки входит в поставку, не остаётся третьей машиной, за которую никто не платит.

Зорин придвинул рисунок.

— Срок?

— Готовность на заводе двадцать второго. Платёж и отгрузка после подтверждения. Ввод на шахте — до окончательной приёмки двадцать девятого.

Служащий посмотрел на меня.

— У вас тридцатого банк.

— Именно поэтому двадцать девятого мне нужны деньги, а не обещание перевести их в удобный день.

Софья подняла ладонь, останавливая возможный спор.

— Предлагаем три этапа. После подписания — тридцать процентов. После проверки готовности на заводе — тридцать пять. После испытания на шахте — оставшиеся тридцать пять.

Служащий хотел возразить, но Зорин спросил:

— Заводская проверка включает смену изнашиваемого узла?

— Да, — сказал я. — И проверку запасных частей на обеих машинах.

— Тогда второй платёж имеет основание.

Он повернулся к служащему.

— Мы сейчас ждём деталь с половины оплаченного насоса. Денег у поставщика от этого меньше не становится.

Софья записала согласованную последовательность. Сумму ещё уточняли, но порядок финансирования уже можно было обсуждать предметно. Потом служащий достал старый договор с Бекетовым.

* * *

Слова об исключительном обслуживании выглядели внушительно. Особенно на первой странице. Софья перевернула её и попросила приложение.

— Здесь написано «перечисленные агрегаты». Где перечень?

— В конце.

— Покажите.

В перечне находились номера двух импортных машин. Наши будущие насосы там, естественно, отсутствовали. Но следующая формулировка позволяла спорить о связанных работах на водоотливном участке. Я бы прочитал её, решил, что смысл понятен, и пошёл собирать. Софья прочитала ещё раз.

— Нам нужна заверенная выписка и письменное подтверждение, что приобретение другого оборудования не нарушает этот договор.

— У нас юрист смотрел, — сказал служащий.

— Тогда ему будет легко подтвердить.

Зорин потер переносицу.

— Леонид Аркадьевич шум поднимет.

— Лучше сейчас, когда мы ещё не вложили ваш аванс, — сказала Софья.

Я посмотрел на неё с благодарностью. Она заметила и тут же дала мне ещё один лист.

— А это ваша часть.

На листе были условия приёмки: вода, согласованный напор, подача, порядок действий после замечаний. Я видел за каждой строкой конкретную работу. Софья оставила возле цифр место для наших подписей. Зорин наклонился над столом.

— Мне не нужна машина, которая один раз красиво откачает чистую воду.

— Мне тоже.

— Значит, восемь часов устойчивого режима после установки. На нашем участке, при согласованных условиях. Если ремонтировали — проверку начинаем снова.

— Да.

— Если не сделаете?

Софья записывала, но ответить должен был я.

— Тогда устраняем за свой счёт то, что относится к нашему изделию. Не переводим вашу воду на бумажные успехи стенда.

— Всю шахту вы гарантировать не можете.

— Поэтому границы должны быть написаны. Состояние выработок, приток вне оговорённого режима и подготовка участка — ваша ответственность. Работа машины в согласованных условиях — наша.

Зорин постучал пальцем по плану.

— Запасную секцию отстойника очистим.

— И проверим, что её можно включить.

— Проверим.

Служащий вздохнул:

— Слишком много условий.

— При воде условия всё равно будут, — сказал Зорин. — Лучше знать их до покупки.

Мы вышли из комнаты почти через три часа. Готового договора ещё не было. Зато появились места, где нельзя было прятать непонимание.

* * *

В банк зашли после шахты. Софья попросила документы о полномочиях владельца и порядок расчётов с шахтой. За необходимые оформления, заверенные бумаги и договорные расходы уходило шестьдесят рублей. Она назвала сумму до того, как я протянул деньги. Я заметил привычку и одобрил. Банковский управляющий оказался сухим человеком с аккуратными усами. Фамилия Климов была написана на табличке.

Он видел молодого Ивана прежде. Это сразу стало понятно по тому, как посмотрел на мои бумаги.

— Вы решили заниматься предприятием лично?

— Решил.

— Срок соглашения вам известен?

— Тридцатое апреля, пять часов. Четыре тысячи триста.

Он кивнул, будто я правильно прочитал надпись на знакомом здании.

— После своевременной оплаты график сохраняется. Без неё первого мая начинаем предусмотренные действия.

— И никаких дополнительных условий, о которых я узнаю тридцатого?

Климов посмотрел поверх очков.

— Все условия в вашем экземпляре.

— Тогда прошу подтвердить порядок зачисления шахтного платежа.

Софья придвинула расчётный лист. Банк обслуживал местные переводы, необходимые реквизиты были известны. Управляющий объяснил, какие документы требуются, когда подать распоряжение и когда сумма станет доступной. Софья повторила это своими словами и записала ответ.

— Если распоряжение поступит двадцать девятого в согласованное время, зачисление будет тем же днём, — подтвердил Климов. — От вас требуется не спорить о форме в последний час.

— Не собираемся, — сказала она.

Климов задержал взгляд на Софье.

— Вы работаете у Игнатовых?

— До конца месяца.

— Разумный срок.

Мне не понравилось, что они оба нашли в нём разумность, а я — только край. На улице Софья застегнула перчатки.

— Он не хочет завод, — сказала она.

— Он хочет деньги.

— Это лучше. С таким человеком можно выполнить договор.

У меня в прежней жизни был начальник, который хотел одновременно деньги, новый цех и отсутствие любых расходов. По сравнению с ним Климов выглядел почти обаятельно.

* * *

В кассе осталось шестьсот девяносто.

Савельев посмотрел на выписку из банковского порядка и спросил:

— За эти бумаги шестьдесят?

— За то, чтобы получить оплату вовремя, — ответила Софья.

— Бумаги воду не гонят, — сказал Савельев.

Софья развернула к нему выписку.

— Здесь написано, когда шахта заплатит. Без этого вы закончите машину, а масла для следующей не купите.

Мастер поправил очки и прочёл строку до конца.

— Эту оставьте у меня. Срок поставлю на доску.

Мне понравилось, что договориться они смогли без моего вмешательства. Потом я испортил хорошее впечатление сам. Зорин назначил длительный показ на десятое апреля. Девятого нам предстояло завершить сборку и короткий запуск. Савельев хотел отдать ещё день проверке до приезда заказчика.

— Успеем прогреть, разобрать, посмотреть след, — сказал он.

— На показе и прогреем. Завтра проверим основные вещи.

— Основные — это и есть работа после прогрева.

Я почувствовал раздражение. Каждый понимал свой кусок и просил ему отдельный день. Только месяц целиком почему-то оставался моей заботой. В кармане лежала выписка из банка; угол давил через ткань, напоминая о себе при каждом движении. Я почти физически ощущал, как ещё одни сутки уходят из тех, что мне оставили.

— Мы не можем передвигать всё на сутки после каждого замечания.

Савельев посмотрел на меня.

— Это не после каждого.

— Григорий Петрович, я услышал. Проверим.

Он больше не спорил. Фёдор стоял у двери с тетрадью. Я попросил его принести крышку и вернулся к размерам.

* * *

Вечером Мария налила чай. Я сделал глоток и отодвинул сахарницу. Она посмотрела на чашку.

— Ты всегда пил со сладким.

— Теперь не хочется.

— И чай такой крепкий не любил.

Я поставил чашку. Она не задавала случайного вопроса. Уже несколько дней собирала перемены в одну вещь, которую боялась назвать.

— Много изменилось, — сказал я.

— Я вижу.

На столе лежал календарь с отмеченным двенадцатым числом. Мария провела по нему пальцем.

— Вчера Пелагея сказала, что ты поблагодарил её за обед. Она обрадовалась. А я испугалась, что стала радоваться тому, что должно было быть всегда.

Я не нашёл быстрого ответа. Она подняла глаза.

— Ты помнишь, как мы провожали отца?

— Нет.

— Совсем?

— Лицо узнаю на портрете. Но того дня не помню.

Это было жестоко. Придумать утешительное воспоминание оказалось бы ещё жесточе. Мария сидела, сцепив руки.

— Врач сказал, может вернуться.

— Может.

— А если нет?

Я посмотрел на свою чашку. У Ивана, который лежал в этой комнате до меня, была мать. У меня — две потерянные семьи и ни одного понятного объяснения.

— Тогда придётся жить с тем, что есть, — сказал я. — Я не буду изображать воспоминания. И не буду прятать от вас то, что касается завода.

— Даже если не получится?

Вот вопрос, который мне следовало задать себе возле чертежа.

— Даже тогда.

Она кивнула, но легче ей не стало. После разговора я сидел в кабинете ещё долго. На столе лежал проект договора. На другом листе — спорный размер. В один из этих листов я смотрел слишком внимательно.

Во второй недостаточно.

Глава 7. Слишком хороший запуск

Девятого апреля я пришёл раньше мастера.

Хотел проверить сборку без лишних вопросов. По дороге обрадовался, что могу идти быстро, а у ворот уже сердился на себя за то, что голова снова заболела. Фёдор был в цехе. Он стоял над открытой машиной и переписывал размеры из листа на отдельную страницу.

— Не спал?

— Спал.

— А почему здесь?

— Дома считал. Решил посмотреть, как получилось.

Я узнал эту привычку. И, вместо того чтобы предупредить, счёл хорошим признаком. Первый насос был почти готов. Не красивый — до окраски руки ещё не дошли. Корпус серый, крышка темнее, на крепеже следы обработки. Зато каждую необходимую часть можно было назвать своей и найти в цехе. Я проверил несколько размеров. Фёдор подавал листы, молчал и ждал.

— Что?

— Здесь замечание Григория Петровича.

На полях стояла короткая запись о проверке после прогрева. Без моей подписи, без результата. Просто неудобная фраза, которую пока нельзя было закрыть.

— Проверим на длительном, — сказал я.

Фёдор кивнул.

— Тогда так и запишу?

— Пока оставь.

Я хотел сначала получить фактическое доказательство. Но из всех доказательств почему-то выбрал ближайшее и приятное.

* * *

Савельев появился вместе с остальными.

Посмотрел на открытую тетрадь, спросил:

— Начали?

— Проверяю.

— Я собирал.

— Поэтому быстро.

Он не оценил комплимент. Мы закончили подготовку стенда. Мастер проверил крепление машины, Фёдор — присоединения. Я снова прошёл по своим размерам. Слишком многое в это утро проходило через меня. Когда Савельев хотел посмотреть положение одного узла, я показал ему следующую работу. Когда Фёдор попросил повторить порядок измерения, я взял лист и сделал запись сам.

Это казалось экономией.

— Иван Алексеевич, — сказал мастер, — если вы всё будете писать за него, он никогда не станет понимать, что записывает.

— Сейчас нам нужно успеть.

— Потом тоже будет нужно.

Я не ответил. Первый запуск провели перед обедом. Насос взял воду почти сразу. Стенд загудел ровно. Стыки держали, в контрольной ёмкости пошёл устойчивый поток. Фёдор смотрел на него так, словно сам не верил, что собранная им железная вещь делает обещанное.

— Подача? — спросил я.

Он снял показание, пересчитал. Я проверил. Цифра получалась даже лучше той, которую собирались показать Зорину.

— Ещё раз, — сказал я.

Повторили. Разница была небольшой. У меня отпустило плечи. Всё утро я держал их напряжёнными и не замечал.

— Теперь можно покрасить, — сказал кто-то у двери.

В цехе засмеялись. Савельев подошёл к опоре, посмотрел на корпус.

— Пока идёт.

Я услышал только «идёт». Через недолгую работу остановили и проверили доступные места. Всё выглядело прилично. Не было ни подтёков, ни явного нагрева, ни нового шума.

Мастер повторил:

— Надо держать дольше.

— Завтра будем держать при заказчике.

— А сегодня увидеть, что покажем.

— Мы уже увидели.

Как легко произнести такую фразу, когда машина делает именно то, что ты хотел. Савельев снял очки.

— Коротко увидели.

Мне захотелось напомнить, кто вчера читал договор, кто ездил в банк, кто отвечал людям за зарплату. Это было дурное желание. Я его сдержал, но от этого не стал прав.

— Григорий Петрович, завтра проведём полный режим. Сегодня нужно закрыть сборку.

Я даже понизил голос, будто спокойный тон делал распоряжение обоснованнее. Тревогу мастера видел прекрасно. Мне хотелось, чтобы он перестал показывать её при людях. Он посмотрел на работающих людей и убрал очки в карман.

— Как скажете.

В старом цехе этот ответ мне тоже казался удобным. После него можно было двигаться дальше, не возвращаясь к неприятной строчке в журнале. Я отвернулся к работающей машине и начал рассказывать Фёдору, что будем показывать завтра.

* * *

Фёдор задержал меня у второго корпуса.

— Кольцо с первого можно примерить сюда?

— Зачем сейчас?

— Чтобы сразу знать, что подходит.

Смысл был правильный. Неудобным было время. Для примерки пришлось бы снова вскрыть собранную машину. Снять деталь, отнести, проверить, вернуть. У меня перед глазами уже стояли Зорин, работающий стенд и проект договора.

— Когда второй будет готов, проверим на обоих.

— А если не подойдёт?

— Размеры одинаковые.

Фёдор опустил взгляд на лист. Я должен был спросить, что именно его тревожит. Вместо этого начал объяснять посадки. Он слушал, кивал, и в конце я почувствовал себя человеком, который обучил молодого слесаря. Обучение закончилось тем, что молодой слесарь больше не задал вопроса. После обеда пришёл станционный мастер.

Савельев вышел с ним в контору, а вернулся уже ко мне.

— Вам разговор.

В комнате незнакомый человек снял шапку и держал её у живота.

— Леонид Аркадьевич просил передать. Насчёт склада.

Я сел. Бекетов предлагал купить часть наших насосных запасов и старые заготовки. Цена была выше той, которую называл скупщик. Расчёт сразу, вывоз быстро. Не оскорбительное предложение. Даже опасно приличное.

Мы могли заплатить оставшийся старый долг людям, сохранить немного денег и продолжить мелкий ремонт. Мать получила бы основание верить, что я наконец перестал играть в спасение завода. Но двух насосов после продажи не стало бы. А мелким ремонтом до тридцатого платёж не собрать.

— Срок ответа? — спросил я.

— До завтра.

— Тогда ответ сейчас: не продаём.

Мастер кивнул, но не ушёл.

— Он сказал, вам стоит подумать.

— Подумал.

— Деньги настоящие.

Я посмотрел на лист с перечнем.

— Знаю.

После его ухода Савельев поднял бумагу.

— Дороже скупки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.